
Н. С. РОЗОВ

УРОВНИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ФОРМА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Лишь та – ошибка, что не исправляется.
Конфуций

Уровни общности причинных репрезентаций по А. Стинчкомбу

Данная статья продолжает исследования философских и методологических оснований теоретической истории (см. Розов, 1992, 1995, 1999, 2000), тесно связанной с новейшими зарубежными тенденциями и достижениями в макроисторической социологии, геополитике, миросистемном анализе, социальной и политической антропологии и других научных направлениях (см.: Время мира, 1998).

В работе (Розов, 2000) был рассмотрен «вертикальный» разрез исследовательской программы, построенный как ряд уровней, названный *методологической лестницей*. В данном варианте методологическая лестница включает следующие уровни:

- 1) *философские основания теории;*
- 2) *научные основания теории (из более общих, базовых, смежных дисциплин или смежных теорий той же дисциплины);*
- 3) *теории и концепции (предтеории);*
- 4) *теоретические или концептуальные модели (обычно представляемые в схемах, диаграммах, графах и т. п.);*
- 5) *поле эмпирической проверки: формы представления данных, эмпирические гипотезы, эмпирические модели и релевантные факты;*

б) нормализованные данные (факты, приспособленные для упорядочения с помощью эмпирических форм в эмпирических моделях);

7) эмпирические описания (собственно тексты историографии – статьи и монографии, в основе которых лежат нарративно упорядоченные факты);

8) факты – суждения о явлениях, эмпирически обоснованные согласно современным научным критериям;

9) «сырые данные» или репрезентации свидетельств – «источники» (к примеру, фотокопии, публикации, переводы документов, фотографии археологических останков, их точные текстовые описания и т. п.);

10) свидетельства как материальные «оригиналы» для репрезентаций (архивные документы, музейные экспонаты, текстовые и нетекстовые археологические останки).

Сопоставим с данной методологической лестницей классификацию Артуром Стинчкомбом элементов теоретического знания по основанию общности. Поясняющие примеры он приводит из учения Зигмунда Фрейда, а также из теоретико-исторического и социально-экономического учения Карла Маркса, что тем более должно быть интересно отечественным читателям, в большинстве воспитанным на марксизме или постмарксистской парадигме обществоведения.

Стинчкомб выделяет следующие уровни общности репрезентаций причинных связей:

1. *Общие идеи о причинности*, касающиеся того, что может считаться фактом, какие формы логической аргументации принимаются как достоверные.

«Общий аргумент Маркса о том, что материальный мир существует и все наблюдаемые явления имеют материальные причины, есть пример такого уровня» (Stinchcombe, 1968, p. 48–49).

Это не что иное, как гносеологические предпосылки, относящиеся к ступени методологической лестницы «Философские основания» (Розов, 2000, п. 6.1.).

2. *Общие представления о причинности, о видах причин и причинных структурах*, используемых при объяснении

разнообразных явлений. Сюда относится, в частности, «марксово представление, что общественные отношения в производительных деятельности создают интересы и мотивы, которые люди переносят в другие сферы жизни» (ibid, p. 49).

В методологической лестнице общие представления о причинности и инвариантных причинных структурах имеют статус философских онтологических оснований и общенаучных оснований (Розов, 2000, п. 6. 1–6. 2). Суждения о частных видах причин и причинных структурах, характерных для отдельных областей действительности, относятся уже к конкретно-научным основаниям. Сюда входит и приведенный пример Марксовой идеи о производстве и переносе интересов и мотивов.

3. *Широкие различия классов явлений*, каждый из которых имеет особый тип объяснений, либо явления одного класса считаются причинами явлений другого класса. Так, Фрейд различал виды поведения, контролируемые и не контролируемые сознанием (оговорки, сны, истерические симптомы и т. д.).

«Маркс различал множество властных отношений и права собственности («отношения собственности» или «производственные отношения»), которые, по его мнению, имели большое число эффектов и в свою очередь были систематически обусловлены исторической стадией экономического развития» (ibid, p. 49).

Наиболее широкие различия классов явлений носят онтологический характер. В частности, на этом уровне выделяются «миры» по Попперу (см. более детальное различение таких «миров», или «сфер бытия» (Розов, 1999).

Далее внутри каждого «мира» (как сферы бытия) могут быть проведены весьма общие различия, входящие в общенаучные концепции и основания, в частности, общесоциологические различия Маркса, приведенные выше Стинчкомбом.

Наконец, речь может идти о собственно научных концепциях (предтеориях как комплексах суждений, не строгих относительно требований дедуктивной логики и поня-

тийной замкнутости, см.: Розов, 2000, п. 6. 3.) и о концептуальных моделях – собственно классах объектов, подпадающих под понятия концепции (п. 6. 4).

4. «Идеи, что причины явлений одного широкого класса, вероятно, являются переменными в другом широком классе явлений. Например, теория Фрейда утверждает, что объяснение большей части поведения, сознательно не контролируемого, состоит в структуре бессознательных мотивов, особенно сексуальных, производных от подавления этих мотивов в детстве. Или Маркс утверждал, что большая часть политических явлений должна быть объяснена отношениями собственности» (Stinchcombe, 1968, p. 49).

Представления о том, что явления одного класса служат в общем случае причинами явлений другого класса (подсознательные комплексы для неконтролируемых сознанием поведений в концепции Фрейда, производственные отношения для надстроечных явлений в концепции Маркса) составляют концептуальную схему причинности, относятся, соответственно, и к ступени теорий, и к ступени теоретических моделей (п. 6. 3–6. 4).

Схемы причинности могут связывать явления из различных «миров», и в этих случаях будем называть такие связи причинными каналами связи сфер бытия.

5. «Теории, состоящие в том, что одна отдельная переменная широкого класса явлений объясняет отдельную переменную (или множество переменных) в другом классе явлений. Например, Маркс утверждал, что бонапартизм («популистская диктатура», как мы назвали бы ее сегодня) был обусловлен преобладанием «мелкобуржуазного» способа производства (характеризуемого представителями малого бизнеса и мелкими фермерами). Он думал, что мелкий буржуа (особенно вышедший из крестьян) одновременно был уравнительно настроенным и имел трудности в организации класса, нуждаясь, таким образом, в демократически ориентированной диктатуре (Stinchcombe, 1968, p. 50).

Здесь Стинчкомб сам называет данный уровень теориями. Сами же переменные – это не что иное, как идеализи-

рованные (абстрактные) объекты, составляющие основу теоретической модели (см. п. 6. 4).

6. «*Эмпирические следствия из теорий*, описывающие наблюдения, которые могли бы быть сделаны, если бы теория была верна. Так, Маркс утверждал, что если мелкобуржуазное производство приводит к бонапартизму, то Луи Бонапарт во Франции должен быть сильно поддержан мелкобуржуазными группами. Современные марксисты могли бы утверждать в свою очередь, что развитие бонапартизма в Египте или Мексике тоже будет поддержано мелкими крестьянами и мелкими бизнесменами» (Stinchcombe, 1968, p. 50).

Далее Стинчкомб отмечает, что в реальности диктатуры в этих странах поддержаны наиболее широко пролетариатом, что подрывает тезис Маркса (ibid, p. 51).

В терминах методологической лестницы данный познавательный компонент значится просто как эмпирическая гипотеза – выведенное из теории (или ее «точка роста» – теоретической гипотезы) суждение об ожидаемых наблюдениях в определенном времени и месте. Эмпирическая гипотеза формируется с помощью формы представления данных и относится к ступени поля эмпирической проверки (п. 6. 5).

7. «Утверждения, что наблюдения в отдельном случае поддерживают или отвергают эмпирическое уточнение уровня 6. Так, Марксовы утверждения, что фактически мелкобуржуазные группы поддержали Луи Бонапарта, или Фрейдовы утверждения, что в его исследовании случаев подавленные желания были найдены, относятся к этому ряду» (ibid).

(В следующем разделе Стинчкомб указывает на поддержку Луи Бонапарта вовсе не мелкобуржуазной массой, а крупным бизнесом и крупными землевладельцами, ibid, p. 51.)

Здесь, конечно же, речь идет о релевантном факте, который сопоставляется с эмпирической гипотезой (см. п. 6. 5).

Итак, методологическая лестница полностью соответствует фундаментальным методологическим разработкам

одного из крупнейших современных исторических социологов. По данной книге А. Стинчкомба «Построение социальных теорий» 1968 г. учились практически все последующие поколения исследователей в этой области. Кроме того, можно заметить, что методологическая лестница предлагает более тонкие различия и расширяет спектр уровней как «вверх» (к предельно абстрактной теории – философии), так и «вниз» (к предельно конкретной эмпирии – свидетельствам).

Модели и теории причинных связей в миросистемах по Чейз-Данну

Кристофер Чейз-Данн, один из признанных лидеров миросистемного анализа, в своей книге «Глобальная формация» выделяет только три методологических уровня в представлении причин социально-исторических явлений, динамики мировых систем (Chase-Dunn, 1991, p. 304).

1. *«Теория глубокой структуры или главного движителя мировой системы»*. К этому уровню Чейз-Данн относит такие концепции, как Марксова теория капиталистического способа производства. На этом уровне утверждаются структурные тенденции долговременной динамики роста и воспроизводства социально-экономических систем.

С точки зрения представлений о методологической лестнице здесь объединяются ступени научной парадигмы и теории.

2. На следующем уровне по Чейз-Данну *«модель является спецификацией причинных отношений между переменными, которые являются чертами целой миросистемы или ее составных частей, таких как зоны, национальные государства и т. д.»* (ibid).

Этот уровень моделей, по Чейз-Данну, прямо соответствует уровню 5, по Стинчкомбу: «теории, состоящие в том, что одна отдельная переменная широкого класса явлений объясняет отдельную переменную», и, вместе с тем, уровню теоретических моделей в методологической лестнице. Здесь достаточно очевидно неразличение теорий и моделей в методологии Чейз-Данна.

Теоретические модели и, в особенности, их главные части – схемы, естественнее и нагляднее всего изображаются графически в виде диаграмм, блок-схем и графов. Модели, представленные в виде ориентированных графов (тренд-графов), в которых переменными-вершинами являются исторические тенденции, а связями-ребрами – положительные или отрицательные воздействия, называются тренд-структурами. Примерами тренд-структур являются итеративная модель связи экологических, демографических, технологических и социально-политических переменных (Чейз-Данн и Холл, 1998), модель связи факторов геополитической динамики (Коллинз, 1998). Чейз-Данн также описывает методы проверки утверждений моделей этого уровня.

3. Наконец, по Чейз-Данну, есть дескриптивные или описательные модели, фиксирующие отношения во времени между несколькими циклами и тенденциями (трендами) миросистемы. В моделях этого рода не устанавливаются причинные отношения между переменными. Модели И. Валлерстайна и Т. Хопкинса, касающиеся связи трендов и циклов в капиталистической миросистеме Европы Нового времени, относятся Чейз-Данном именно к этому уровню.

В иерархии общности причинных репрезентаций Стинчкомба места для таких моделей нет, поскольку они, по-видимому, просто отражают начальный этап осмысления материала.

В методологической лестнице для описательных моделей Чейз-Данна есть концепции на ступени теорий. Кроме того, к концепциям могут приближаться обобщения в эмпирических описаниях (историографии).

Форма исследовательской программы теоретической истории

Форма программы означает явную систему требований к основным компонентам исследования. Теоретическая история строится как дисциплина, то есть поле для действия и конкуренции многих исследовательских программ. Задать сразу компоненты программы (твердое ядро, защитный по-

яс, положительные эвристики по Лакатосу), значит, изначально редуцировать целую дисциплину к частной программе, которая, во-первых, может провалиться, во-вторых, даже в случае успеха, рано или поздно будет заменена более прогрессивной (в терминах Лакатоса) исследовательской программой. Чтобы не ставить теоретическую историю как дисциплину под удар в зависимости от успеха-неуспеха частной программы, здесь в изложении метода дисциплины формулируются только требования к основным компонентам исследования, т. е. форма программы.

Твердое ядро и отрицательные эвристики по Лакатосу являются такими базовыми суждениями исследовательской программы, к которым нельзя применять логическое правило *modus tollens* ($A \rightarrow B$, не- B ; следовательно не- A). Положения ядра в рамках данной исследовательской программы суть неопровержимые постулаты. В терминах нашей методологии (Розов, 2000) такими постулатами являются аксиомы теорий, входящих в исследовательскую программу, но не все, а лишь те, что не подлежат сомнению и проверкам в рамках данной программы. Отметим также, что постулаты твердого ядра могут иметь статус как философских, научных оснований, так и собственно теоретических положений, иначе говоря, располагаться на любой из трех верхних ступеней методологической лестницы (Розов, п. 6. 1–6. 3).

Итак, какие же положения, касающиеся структуры, динамики и хода истории, могут войти в твердое ядро той или иной исследовательской программы?

Во-первых, это должны быть тезисы о мире, логическая форма которых в принципе допускает их опровержение. Общие рассуждения без ясной логической структуры, а также методологические, эпистемологические, ценностные суждения (например, с предикатами «важности», «значимости», «сложности», «(не)предсказуемости» и т. д.) не могут составлять ядро программы.

Во-вторых, поскольку постулаты твердого ядра должны служить в роли аксиом для логических выводов, обязательным атрибутом их строгой формулировки является наличие

переменных, связанных логическими кванторами («все», «найдется хотя бы один», «один и только один»).

В-третьих, общность постулатов ядра должна прямо соответствовать общности претензий исследовательской программы на охват предметной области. Если исследовательская программа касается периода средневековья, то постулаты должны распространяться как минимум на весь период средневековья («Все средневековые общества...»). Поскольку, согласно Лакатосу, выигрывает конкуренцию та исследовательская программа, которая при прочих равных (относительно объяснительной и предсказательной силы) имеет более широкое эмпирическое содержание (как программа Эйнштейна в сравнении с Ньютоновой), следует стремиться по возможности к максимальной общности постулатов.

Поскольку единственно адекватным масштабом для философии истории является Всемирная история, такой же масштаб оптимален для больших теоретико-исторических программ, результаты которых могут прямо служить для историософского осмысления (см. также: Гобозов, 1998). Масштаб Всемирной истории – это история всех человеческих сообществ (от мелких поселений до цивилизаций и мировых регионов – ойкумен) с Неолитической революции (или с образования первых протогородов) по наши дни. Есть и более радикальные взгляды, охватывающие антропогенез (Б. Поршневу), эволюцию биосферы (Г. Снукс), историю Земли (В. Вернадский, Тейяр де Шарден) и даже историю Космоса с момента «Большого Взрыва» (Ф. Спир).

Как же быть с тезисом «Что объясняет все, то не объясняет ничего»? Общность исследовательской программы (к примеру, Ньютоновой, где три закона Ньютона и закон гравитации имели максимальную общность для взаимодействия тел в физическом мире) не запрещает создание частных теорий внутри исследовательской программы, объясняющих конкретные фрагменты действительности (например, теорию движения Солнечной системы). Таким же образом постулаты теоретико-исторической программы, касающиеся всей толщи Всемирной истории (скажем, с

начала неолита), вовсе не препятствуют созданию внутри этой программы «теорий среднего уровня», касающихся Древности, Средневековья, Нового времени или Современности.

В-четвертых, вся совокупность постулатов твердого ядра должна позволять делать выводы о самых разных аспектах исторической действительности (экология, технология, хозяйство, социальные отношения, культура, психика, поведение). Это достигается либо высокой степенью конкретизации), либо полнотой «сферной номенклатуры» постулатов.

В-пятых, должен быть соблюден баланс продуктивности и неуязвимости постулатов. Чем сильнее постулат, чем более содержательно задаваемое им суждение о мире, тем больше нетривиальных выводов можно из него вывести, т. е. тем постулат продуктивнее. Но эти выводы могут быть опровергнуты опытом, что по правилу *modus tollens* ставит под сомнение сам постулат твердого ядра, т. е. делает его более уязвимым. По определению, это правило не ведет к отвержению постулата внутри исследовательской программы, проблема аномалий решается через введение дополнительных гипотез. Эти гипотезы могут вести к регрессивному сдвигу проблем (Розов, 2000, п. 5) и росту уязвимости всей исследовательской программы. Итак, на одном полюсе тривиальные, тавтологические постулаты, максимально неуязвимые, но с минимальной продуктивностью – из них ничего или почти ничего нельзя вывести. На другом полюсе – смелые, сильные, продуктивные постулаты, из которых следует множество нетривиальных суждений о мире, но они же делают всю программу крайне уязвимой, поскольку эти выведенные суждения могут быть опровергнуты опытной проверкой (например, сопоставлением с историографическими данными).

Тяга к неуязвимости характеризует догматическое мышление: неважно, что из догмы не следует ничего нетривиального, важно, чтобы в течение веков, а то и тысячелетий нельзя было бы усомниться в ней.

Тяга к продуктивности характеризует научное мышление: важны прежде всего нетривиальные выводы, пусть рано или поздно они будут опровергнуты и даже сама программа будет заменена лучшей.

Помимо понятных социально-психологических мотивов защиты своей программы, есть и рациональные основания заботы о минимуме неуязвимости: смена программ не должна превращаться в чехарду. Это забота о реализации эвристических возможностей пусть несовершенных (в масштабе тысячелетий, вечности и абсолютной истины), но достаточно содержательных и плодотворных (в масштабе считанных десятилетий реализации программы) постулатов. Как же найти «золотую середину» баланса? Попробуем расставить «красные флажки» по обе стороны допустимого отрезка на линии «продуктивность – неуязвимость». При стремлении к большей продуктивности, содержательности и конкретности постулатов следует остановиться там, где начинается область, чреватая неустранимыми в рамках данной программы опровержениями. Как определить место этого «красного флажка» более операционально?

Допустимы такие постулаты, выводы из которых имеют подтверждения, как минимум пунктирно, на всем протяжении избранной предметной области (в нашем случае – на всей толще Всемирной истории). Допустимы также постулаты, выводы из которых имеют реальные или вероятные опровержения, но эти опровержения в принципе известно как отвести в рамках программы путем введения дополнительных гипотез, не уменьшающих эмпирического содержания теорий. Зато не допустимы в твердом ядре программы те постулаты, вероятные опровержения выводов из которых либо не отводятся в рамках программы, либо требуют введения гипотез *ad hoc*, ведущих к регрессивному сдвигу проблем (Там же: Розов, 2000, п. 4. 1). Это вовсе не значит, что от данных положений нужно совсем отказываться: они прекрасно послужат в ином статусе, например, как элементы теорий защитного пояса той же исследовательской программы.

Где же поставить второй «красный флажок», означающий нижнюю границу допустимой продуктивности постулатов твердого ядра? Это граница, ниже которой нельзя опускаться в заботе о неуязвимости реализуемой исследовательской программы, поскольку малопродуктивные постулаты ведут не к прогрессивному развертыванию программы (приращению научного знания), а лишь к научному застою, сходному с «незыблемостью» догматических истин. В эту зону застоя попадают такие постулаты, относительно любых выводов из которых вообще нет никаких сомнений в невозможности их опровержения. Зона научного застоя там, где аномалий нет, не ожидается или вообще быть не может. Иначе говоря, каждый постулат, чтобы быть содержательным и продуктивным, должен быть не только в принципе уязвимым (фальсифицируемым), но хотя бы минимально «опасным» с точки зрения появления возможных аномалий.

Защитный пояс исследовательской программы.

По Лакатосу – это вспомогательные гипотезы, которые призваны защищать постулаты твердого ядра, они могут быть опровергнуты и заменены новыми гипотезами в рамках той же программы. Устойчивые комплексы постулатов ядра и гипотез, прошедших проверку, составляют теории – главный продукт, ценность и оружие исследовательской программы.

В терминах нашей методологии вспомогательные гипотезы защитного пояса выявляются либо новыми аксиомами теории, либо теоремами, которые выводятся как из старых (иногда преобразованных) аксиом, так и из новых уточняющих предпосылок. Предназначение этого приращения теории состоит в объяснении возникающих аномалий. Эти аксиомы и теоремы могут быть подвержены сомнениям и проверке, к ним применимо правило *modus tollens*. В отличие от «ядерных» аксиом их можно назвать вспомогательными или защитными аксиомами.

Аномалии суть факты, противоречащие эмпирическим гипотезам, т. е. следствиям из теоретических гипотез (аксиом и теорем теории, интерпретированным для

конкретного пространственно-временного сегмента реальности).

К примеру, в период становления теории происхождения государства Р. Карнейро (Carneiro, 1970) тезисы о том, что социальная стесненность и ресурсный градиент ускоряют политическую эволюцию в центре ойкумены, следует считать вспомогательными гипотезами. В самой теории стесненности они играли роль теорем. При этом первоначальное понятие стесненности (изобилие ресурсов внутри зоны с непреодолимыми географическими границами) стало пониматься только как экологическая стесненность. Соответственно появилась более общая аксиома о положительном влиянии стесненности вообще (включая и экологическую, и социальную, и градиент ресурсов) на скорость политической эволюции в центре ойкумены. Таким образом, при наличии дополнительной предпосылки о присутствии социальной стесненности выводится теорема о большей скорости эволюции в центре ойкумены по сравнению с местами на периферии или при полном отсутствии социальной стесненности. Эта теорема имела также статус вспомогательной гипотезы, поскольку она служила для объяснения высокого уровня политической эволюции в Венесуэльской аномалии. Таким же образом, дополнительная гипотеза о градиенте ресурсов потребовалась для объяснения Амазонской аномалии. Обе были не гипотезами *ad hoc* (что привело бы к регрессу исследовательской программы), но настоящими универсальными гипотезами в смысле (Гемпель, 1942/1998), поскольку были подтверждены на материале многих других регионов мира, к примеру, в случае долины Хуанхэ на заре истории Китая.

На начальном этапе реализации программы проблему составляют не столько аномалии, сколько белые пятна. Какие положения в принципе следует взять в качестве элементов защитного пояса? Прежде всего, это те известные в науке гипотезы, тезисы моделей и концепций, которые помогают конкретизировать постулаты твердого ядра в целях теоретического прояснения «белых пятен», нового объяснения известных феноменов, а также преодоление имею-

щихся или ожидаемых аномалий. Согласно Лакатосу, в прогрессивной исследовательской программе вспомогательные гипотезы защитного пояса должны не уменьшать, а увеличивать эмпирическое содержание. Это достигается только при высоком уровне общности таких гипотез. В то же время обобщение любых гипотез за пределы их первоначальной области практически всегда ведет к аномалиям. Борьба с аномалиями предполагает переформулировку имеющихся гипотез, добавление новых гипотез или замену старых новыми (без нарушения целостности твердого ядра).

Метафизические принципы и положительные эвристики.

По Лакатосу – это доводы и предположения, модели, направленные на развитие «опровержимых вариантов» исследовательской программы, т. е. идеи, как модифицировать и уточнять «защитный пояс». К примеру, в Ньютоновой программе небесной механики такой положительной эвристикой было положение о том, что планеты – это вращающиеся волчки приблизительно сферической формы, притягивающиеся друг к другу. Все всегда знали, что это ошибочно (есть еще электромагнитные характеристики и т. д.), но эта эвристика все же помогала продвигаться в построении теоретического описания небесной механики.

В терминах нашей методологии положительные эвристики – это прежде всего концептуальные схемы и модели (Розов, 2000, п. 6. 6), позволяющие пусть упрощенно и искаженно, но все же как-то представлять себе идеализированные объекты, соответственно строить гипотезы об их «поведении». При введении новых гипотез задачей минимум является преодоление аномалий, а задачей максимум – получение добавочного эмпирического содержания программы, что означает, по Лакатосу, предсказание новых, ранее не ожидавшихся фактов (Там же, п. 5).

Следующими шагами в развитии программы теоретической истории должны стать систематическое исследование познавательных средств и построение метода этой науки. Но это уже темы других статей.

Литература

Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под ред. Н. С. Розова. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 1998.

Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Вып. 1. 1998. С. 13–26. Первоначально опубликовано в 1942 г.

Гобзов И. А. Введение в философию истории. М., МГУ, 1999.

Карнейро Р. Культурный процесс [1960] // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997.

Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира. Вып. 1. 1998. С. 234–278.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.

Розов Н. С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. 1995. № 12.

Розов Н. С. Теоретическая история – место в социальном познании, принципы и проблематика // Время мира. Вып. 1. 1998. С. 138–175.

Розов Н. С. Структура социальной онтологии: на пути к синтезу макроисторических парадигм // Вопросы философии. 1999. № 2.

Розов Н. С. Методологическая лестница – каркас теоретической истории как исследовательской программы // Философия и общество. 2000.

Carneiro, Robert L. A Theory of the Origin of the State. Science vol. 169. 1970. P. 733–738.

Chase-Dunn, Christopher. Global Formation: Structures of World-Economy. Blackwell, 1991.

Stinchcombe, Artur. Constructing Social Theories. The University of Chicago Press. Chicago and London. 1987. (Originally published: New York: Harcourt, Brace & World, 1968).